

С. В. Джунджузов**Формирование служилой династии волжских крещеных калмыков Дербетевых (40-е — 60-е годы XVIII века)**

В контексте персонификации изучения истории волжских крещеных калмыков характеризуются обстоятельства перехода в христианство отпрыска владельческого рода Никиты Дербетева и его сыновей. На примере служебной карьеры братьев Дербетевых прослеживаются условия и порядок несения службы командным составом Ставропольского калмыцкого войска (корпуса). Степень знатности крещеных нойонов определялась российским правительством исходя из положения их семей в феодальной иерархии Калмыцкого ханства. Дербетевым в ней отводилась вторая ступень после ханской фамилии, что позволило Н. Дербетеву занять должность «первенствующего в Калмыцком суде». Его сыновья уже не выделялись из общей массы крещеной калмыцкой знати. Их продвижение по карьерной лестнице определялось наличием освобождавшихся должностей, личных способностей и заслуг.

Ключевые слова: Дербетевы, калмыки, Коллегия иностранных дел, крещение, служба, оренбургский губернатор, Ставропольское калмыцкое войско.

Введение

В первые десятилетия XXI в. история ставропольских крещеных калмыков, имевших в 1737—1842 г. обособленное поселение в окрестностях Ставрополя-на-Волге, стала одним из ведущих направлений в отечественном калмыковедении. Наряду с работами обобщающего характера [5; 18] публикуются исследования, относящиеся к христианизации калмыков [13; 20], административному устройству их поселения и формированию управленческой структуры [17], развитию школьного образования [1], военной и пограничной службы [8]. Представленный в них материал позволяет расширить проблематику исследований и заняться персонификацией истории крещеных калмыков. Объектами изучения могут выступать биографии известных и малоизвестных личностей [16], жизнь и деятельность которых была связана с переселением крещеных калмыков в Среднее Поволжье, с образованием и историей калмыцкого поселения и Ставропольского калмыцкого войска.

Первый научно-литературный портрет в галерее «история крещеных калмыков в лицах» был представлен в книге советского историка Т. И. Беликова: «Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева» [3]. Еще один очерк, посвященный судьбе первого крещеного калмыцкого нойона Петра Тайшина, был опубликован в 2020 г. в «Вестнике Российского университета дружбы народов» [6].

В продолжение заданного этими публикациями вектора персонификации изучения истории крещеных калмыков предлагается исследование, характеризующее обстоятельства перехода в христианство отпрыска владельческого рода калмыков-дербетов Никиты Дербетева и его сыновей. На примере служебной карьеры братьев Дербетевых прослеживаются условия и порядок несения службы командным составом Ставропольского калмыцкого войска (корпуса).

Основой для проведения исследования послужили материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области, отдельные документы из фондов «Калмыцкие дела» Архива внешней политики Российской империи, «Казачья экспедиция Военной коллегии» Российского государственного военно-исторического архива и «Коллекция документов XVIII—XIX вв.» Центрального архива Самарской области. В них представлены копии указов Коллегии иностранных дел

© Джунджузов С. В., 2022

(далее — КИД) о приеме калмыцкого владельца Чидана на Дону, переводе его улуса в Ставропольское ведомство, организации обряда крещения и вознаграждения Н. Дербетева и его родственников.

Вторую группу документов составила переписка оренбургского губернатора И. И. Неплюева с КИД о женитьбе сына Н. Дербетева Ивана старшего на дочери покойного хана Дондук-Омбо и его вдовы, крещеной княгини Веры Дондуковой, Надежде. Сведения о карьерном росте братьев Дербетевых содержатся в их послужных списках. Часть архивных документов опубликована в сборнике «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в.» [4].

Основная часть

1 мая 1743 г. на Дон, к казацкому городку Черкасску прикочевала большая партия калмыков: калмыцкий нойон Чидан Дербетев с семьей и подвластными ему 130 кибитками калмыцких простолюдинов, а также его брат Лабан-Дондук, зайсанг Доджи с родственниками и с десятью кибитками [9, л. 9]. Чидан заверил донского атамана Данилу Ефремова о желании со всем своим семейством исповедовать российскую христианскую веру и просил отправить его самого или сына ко двору императрицы Елизаветы Петровны [7, с. 111].

По знатности происхождения Чидан был вторым после внука Аюки-хана Баксадай-Доржи (в крещении Петра Тайшина) калмыцким нойоном, выразившим желание стать православным христианином. Его отец, Четерь-тайши, оказывал большое влияние на расклад политических сил в Калмыцком ханстве. За успешные походы на Кубань во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. по указу Анны Иоанновны Четерю и его сыновьям Лабан-Дондуку и Гунге-Доржи выдавался пожизненный оклад по тысяче рублей [7, с. 110].

В источниках нет прямых указаний на истинные причины, побудившие дербетского владельца к смене исповедания. Однако весьма очевидно, что поводом к тому могло служить утверждение наместником Калмыцкого ханства Дондук-Даши и пресечение в ставропольском калмыцком поселении династии Тайшиных. В начавшейся после смерти Дондук-Омбо междоусобной борьбе ханской вдовы Джан с пользовавшимся покровительством Петербурга Дондук-Даши Чидан скорее всего оказался на стороне первой. Его отец и брат поддерживали хана Дондук-Омбо, в то время как Дондук-Даши, под давлением хана, российскими властями был фактически насильно водворен в пределы России. Случившаяся двумя годами позднее женитьба сына Чидана на дочери Дондук-Омбо также позволяет говорить о союзнических отношениях ханши Джан с дербетским нойоном. В 1742 г. умерла родная сестра Чидана княгиня Анна Тайшина. Через год в Санкт-Петербурге от оспы скончался и ее наследник, внучатый племянник Петра Тайшина, Бунчин, нареченный при крещении Петром Торгоутским. В силу сложившихся обстоятельств Чидан мог рассматривать себя единственным наследником калмыцкой княгини и надеяться, что после восприятия крещения ему будут переданы в управление все крещеные калмыки [7, с. 111].

О появлении на Дону калмыцкого владельца Чидана с его улусом Д. Ефремов известил Военную коллегию, которая, в свою очередь, как того требовали правила, через Сенат передала донесение донского атамана в КИД. Определение КИД содержало требования и порядок перемещения дербетских калмыков в полном соответствии с маршрутом, опробованном в 1737 г. на крещеных калмыках, вывезенных из Астрахани. Атаману Д. Ефремову разрешалось допустить на Дон Чидана и его улусных калмыков. На донской земле им было дозволено перезимовать и ранней весной, «по первой траве», под конвоем отправиться в Саратов, а оттуда по нагорной стороне Волги — к Ставрополю. В отличие

от предшественников Чидан и подвластные ему калмыки могли быть окрещены только по прибытии в Ставрополь. Исключение допускалось для заболевших во время пути [9, л. 9 об. — 10].

В случае с дербетским нойоном была нарушена сложившаяся еще при Петре I традиция, когда крестными восприемниками знатных калмыцких владельцев становились императорские особы [2, л. 68—68 об.]. Чидан, приезжавший в столицу в 1743 г., такой чести не удостоился. Памятуя вероотступничество значительной части крещеных калмыков, уклонившихся от переселения в Среднее Поволжье в 1737 г., коллежские чиновники выразили опасение, что, восприняв святое крещение в Санкт-Петербурге, Чидан по возвращении в Черкасск может уйти в калмыцкие улусы. На том же основании атаману Д. Ефремову предписывалось расспрашивать каждого калмыка о добровольном желании стать православным христианином. Всех тех, кто такого желания не изъявит, он обязался собрать в отдельную партию и под конвоем отправить в Царицын в распоряжение коменданта П. Кольцова. На Дону не должно было остаться ни одного некрещеного калмыка [9, л. 9 об.].

Однако вскоре выяснилось, что сам Чидан вовсе не проявлял интереса к переселению в отдаленное ставропольское поселение. Его вполне устраивало проживание на Дону под охраной донских казаков по соседству с Калмыцким ханством. 18 февраля 1744 г. Д. Ефремов представил в Военную коллегию прошение Чидана, ходатайствовавшего о разрешении ему и его улусным людям по крещении жить и служить на Дону. Просьба Чидана противоречила уже принятому в 1743 г. указу КИД о причислении его улуса к ставропольскому поселению. Тем не менее, из опасения, «дабы оный владелец за неполучением на то скорой резолюции от намерения его не раскаялся и не ушел бы в калмыцкие улусы, а паче на Кубань», донской атаман позволил дербетскому нойону отправить в Петербург своего посланца [9, л. 9 об. — 10].

Как и следовало ожидать, КИД отклонила прошение Чидана, сославшись на прецеденты, имевшие место в Азове и в Слободской Украине, когда из поселенного там Слободского Острожского полка калмыки совершали побег целыми улусами. Указ подтверждал добровольное право калмыков на смену исповедания. Более того, с атамана слагалась всякая ответственность в случае, если сам Чидан или рядовые калмыки уклонятся от обряда крещения и возвратятся в родовые улусы, ибо, как говорилось в резолюции, «с того интересам Ея Императорского Величества противности не предвидится». Д. Ефремов обязался следить лишь за тем, чтобы Чидан со своим улусом не вознамерился откочевать за пределы России на Кубань [9, л. 97—98].

Как и планировалось, переселение Чидана со всем его улусом на Среднюю Волгу было проведено в 1744 г. Накануне отправки в Черкасске калмыкам было выдано вознаграждение в размере, установленном еще в царствование Анны Иоанновны: Чидану с женой и детьми — 100 рублей, зайсангам и буддийским священнослужителям — по 50 рублей, рядовым калмыкам на каждую семью — по 2 рубля 50 копеек, холостым — в половинном размере. Еще одна такая же выплата полагалась им по прибытии в Ставрополь [9, л. 9 об. — 10].

В источниках, обнаруженных к настоящему времени, не содержится каких-либо подробностей о прохождении Чиданом обряда крещения. Крестным отцом ему предписывалось быть оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву. Неплюев попытался уклониться от этой чести. 14 января 1744 г. он уведомил КИД, что в Ставрополь для крещения Чидана ему отлучиться неудобно. В ответ Коллегия предложила компромиссный вариант: И. И. Неплюеву было разрешено не выезжать в Ставрополь. После необходимых наставлений призвать Чидана к месту своего пребывания или направить в Ставрополь для восприем-

ства своего представителя [9, л. 35—35 об.]. Имеются веские основания полагать, что губернатор Неплюев не стал крестным отцом Чидана, так как вопреки традиции калмыцкий нойон не был наречен христианским именем своего восприемника — Иваном. Иванами были названы два сына Чидана. Сам же Чидан был наречен Никитой [10, л. 25 об.].

После пресечения династии Тайшиных стало очевидным, что сложившаяся у крещеных калмыков военно-управленческая структура настолько жизнеспособна, что вполне может обходиться без наделенной монархическими полномочиями княжеской особы. Высшую полковничью должность с годовым жалованьем 120 рублей в Ставрополе занимал назначенный по ходатайству Анны Тайшиной зайсанг Кирилл Шарап. Следующим в иерархии шел представитель незнатного владельческого рода Тундут, по крещении Петр Торгоутский, утвержденный в должности войскового судьи с окладом 100 рублей. Брат Петра, Аиоша Торгоутский, крещенный в Москве 7 июля 1744 г. под именем Павел [4, с. 99], был определен надзирателем с жалованьем 80 рублей [5, с. 94]. Авторитет Павла поднимала женитьба на вдове хана Церен-Дондука Вере Андреевой [4, с. 276].

Правительство Елизаветы Петровны не стало наделять Н. Дербетева верховной наследственной властью над всеми крещеными калмыками. Также было пресечено желание Никиты присвоить себе фамилию Тайшина. 19 ноября 1744 г. губернатор И. И. Неплюев получил из КИД предписание: «он произошел из фамилии Дербетевых владельцев и так тем природным его прозвищем Дербетевым и писаться ему надлежит» [11, л. 15—15 об.]. Специальной должности в ставропольской калмыцкой администрации, за которой закрепилось название Калмыцкий суд, для Н. Дербетева определено не было. Лишь потакая знатности его происхождения и связанного с ней общественного влияния, Сенатским указом от 15 февраля 1745 г. было постановлено: «владельцу Никите Тайшину [случайная ошибка или ведомственная несогласованность? — С. Д.] присланным из Коллегии иностранных дел указом над обретающимся там Калмыцким же Полковником Шараром велено иметь первенство; он же в Калмыцком суде имеет Быть» [4, с. 139].

В полном объеме были соблюдены имущественные и владельческие права крещеного дербетского нойона. Н. Дербетев и его жена были указаны первыми в реестре Оренбургской губернской канцелярии о раздаче ставропольским владельцам и зайсангам пожитков покойной княгини А. Тайшиной от 24 сентября 1744 г. Никите отписывались называвшийся «берлином» дорожный экипаж европейской конструкции и серебряная посуда — судок, ножи и вилки. Его жена получила два старых ковра, детское одеяло и одежду [4, с. 109, 278].

В Ставрополе во владение Н. Дербетева перешел дом княгини А. Тайшиной. Пришедшие с ним с Дона 150 кибиток (семей) были поселены при Красноярской крепости отдельным улусом, состоявшим под его управлением. К тому же, как в Калмыцком суде «из владельцев председательствующему члену», ему устанавливалось годовое окладное жалованье в размере 150 рублей [4, с. 123].

Калмыцкий суд был учрежден сенатским указом 15 февраля 1745 г. Инициатором его создания выступил оренбургский губернатор И. И. Неплюев. Годом ранее сенатским указом от 16 апреля 1744 г. из ведомства КИД Ставропольская крепость «по близости [места]» была передана в подчинение Оренбургской губернии [14, с. 78]. Калмыцкий суд представлял собой коллегиальный орган калмыцкого самоуправления. Н. Дербетев был утвержден в его составе вторым членом, после коменданта Ставропольской крепости, подчиненного непосредственно оренбургскому губернатору. За ними шли полковник, войсковой судья и войсковой писарь. Кроме постоянных членов, «Правилами» об управлении калмыками допускалось с ежегодной переменой вхождение в состав суда трех зайсангов. Но, чтобы избежать между калмыками «ссор и беспорядков», было при-

нято решение «бесчиновных» людей в Калмыцкий суд не назначать. В итоге состав Суда пополнился еще четырьмя членами: надзиратель над улусами, войсковой есаул, войсковой квартирмейстер и войсковой хорунжий [4, с. 119—120]. Какими-то особыми полномочиями по сравнению с другими членами суда Н. Дербетев не обладал.

Основная функция Калмыцкого суда заключалась в отправлении правосудия: «собранием все те дела и споры разбирать, кои единственно между улусными их людьми случатся или по челобитью русских людей на калмык» [4, с. 134].

Никита Дербетев умер в 1746 г. [19, л. 2 об.]. Незадолго до смерти он успел сосватать для сына Ивана большого дочь княгини Веры Дондуковой Надежду. Ханша Джан с ее детьми — четырьмя сыновьями и двумя дочерьми были крещены 17 декабря 1744 г. Ее восприемницей от Святые Купели соизволила стать сама императрица. Елизавета Петровна пожаловала Вере Дондуковой и ее фамилии княжеский титул [7, с. 111].

К 1745 г. крещение восприняли представители высших владельческих фамилий трех субэтнотосов ойратов-калмыков, переселившихся в XVII веке в междуречье Яика (Урала), Волги и Дона: Дондуковы — торгуты, Дербетевы — дербеты, Хошоутовы — хошоуты или хошеуты. Фамилия последних прервалась в 1758 г. на командире оренбургских калмыков полковнике Семене Хошоутове, не оставившем после себя наследника. По традиции, чтобы избежать кровосмешения, представители знати вступали в брак с выходцами из других калмыцких субэтнотосов.

20 октября 1745 г. И. И. Неплюев уведомил КИД, что крещеный владелец Иван Дербетев отпущен в Москву для сватовства к дочери Веры Дондуковой. Тремя неделями позже — 14 ноября — из Коллегии был доставлен утвердительный отзыв: «дозволение дать можете» [11, л. 218]. Из содержания прошения, представленного княгиней В. Дондуковой в КИД 19 июня 1752 г. о выплате жалованья ротмистру И. Н. Дербетеву, следует, что свадебная церемония состоялась не ранее 1749—1750 гг. Княгиня напоминала Коллегии, что Иван проживал в ее доме с позволения правительства, «не получая из казны кормовых денег». В Ставрополь он был отпущен в 1750 г. Затянувшееся пребывание И. Дербетева в столице В. Дондукова объясняла «ожиданием от е. и. в. Всемилоштивейшего указа о выдаче дочери моей за него» [4, с. 190—191].

Особые привилегии в порядке замещения военно-административных должностей на сыновей Никиты Дербетева не распространялись. Как и все прочие отпрыски владельческих и зайсангских родов, они подчинялись правилу «Не по наследству, но по заслугам и достоинству в те чины вступали, как то во всей Российской империи находящимся в службе е. и. в. поступается» [4, с. 141]. В 1745 г. оба сына Н. Дербетева были зачислены на штатные должности войсковыми ротмистрами, Иван большой с окладным жалованьем 30 рублей, Иван младший (меньшой) — 25 рублей [15, л. 279 об. — 280; 19, л. 1—16].

Должность ротного командира, или ротмистра, была введена в связи с административно-территориальным устройством калмыцкого поселения. В общих чертах оно структурировало деление, свойственное казачьим войскам, только вместо сотен использовалось название «рота». Кроме ротмистра в штат каждой роты входили подчинявшиеся ротному командиру хорунжий и есаул. За каждой ротой закреплялась определенная территория, на которой размещались входившие в роту улусы [5, с. 98].

В отличие от Калмыцкого ханства, где применительно к XVIII в. улусы определялись как крупные этнические общности калмыков, в ставропольском поселении улус, за редким исключением, объединял не более сотни кибиток, находившихся под управлением наследственного владельца или зайсанга. Так, Иван старший Дербетев получил в наследство от отца 30 кибиток [4, с. 194]. Владельцы улусов, если они не имели чиновничьей должности, исполняли воинскую повинность как рядовые калмыки.

На братьев Дербетевых как ротных командиров возлагалась обязанность следить, чтобы способные к несению службы калмыки были обеспечены лошадьми, оружием и необходимым снаряжением, чтобы они, по получении приказа, в установленный срок были мобилизованы и отправлены к месту назначения. Оба брата Дербетевых дослужились до высших должностей, предусмотренных штатом Ставропольского калмыцкого войска.

Иван большой трижды (в 1745, 1747 и 1750 гг.) в составе трехсотенной калмыцкой команды командировался на Оренбургскую пограничную линию [15, л. 279 об.]. В 1750 г., вероятно под влиянием тещи, княгини В. Дондуковой, Иван обратился в КИД с ходатайством о своем переводе в Оренбург командиром над поселенными в городе крещеными калмыками с производством в чин войскового есаула. После двух лет ожидания положительного решения интересы зятя в правительственных кругах стала представлять сама княгиня В. Дондукова. По мнению А. С. Ряжева, стремление крещеной калмыцкой княгини добиться перевода Ивана большого Дербетева из Ставрополя в Оренбург объяснялось желанием избежать его подчинения младшему брату [4, с. 290]. Точнее было бы сказать — освободить вакантную должность для младшего брата. Иван большой всегда занимал более высокие должности. В 1761 г., в возрасте 40 лет, после смерти Норбо Данжина, он был утвержден в должности войскового судьи — второй, после полковничьей, в войсковом Суде. Иван младший Дербетев тогда еще оставался в чине войскового есаула, присвоенном ему в 1755 г. [15, л. 279 об. — 281]. Обоснованное недовольство княгини мог вызывать факт подчинения ее зятя начальствующим войсковым чиновникам, уступавшим ему в родовитости. Переезд в Оренбург предполагал и улучшение материального положения четы Дербетевых. В. Дондукова просила для зятя пристойного жалованья «с некоторою перед ставропольскою старшиною для новости оренбургскаго места прибавкою. <...> и при том велено оному моему зятю там построить и дать казенный двор» [4, с. 190].

Хлопоты В. Дондуковой по поводу назначения ротмистра И. Дербетева командиром оренбургских калмыков оказались напрасными. Княгиня не могла не знать, что в 1750 г. в командование оренбургскими калмыками в чине войскового полковника вступил ее бывший зять Семен Хошоутов [12, л. 16—16 об.]. Его жена и сын отказались перейти в христианство и остались в Калмыцком ханстве. В 1746 г. В. Дондукова даже намеревалась выдать замуж за С. Хошоутова княжну Надежду. В КИД сочли такой брак нежелательным [12, л. 18 об.]. Через четыре года, как уже говорилось выше, Надежда стала женой Ивана старшего Дербетева. В указе КИД назначение хошоутского крещеного нойона сопровождалось следующим пояснением «Владелец Семен Хошоутов в калмыцких улусах имел своих подданных до двух тысяч кибиток и был зайсангом и ханским зятем. Ныне в Ставрополе над всеми крещеными калмыками главные полковник Кирилл Шарап из зайсангов и равный ему войсковой судья из владельцев незнатных Петр Торгоутский. Потому владельцу Хошоутову быть в их команде будет обидно. Того ради определить... губернатору Неплюеву Хошоутова в службу в Оренбург и к крещеным калмыкам, и к другим тамошним нерегулярным войскам полковником... с годовым жалованием не меньше 120 рублей» [12, л. 25].

Иван большой Дербетев продолжил служить в Ставропольском калмыцком войске. В начале 1760-х гг. карьерный рост И. Дербетева заметно ускорился. В 1760 г. он был утвержден в должности надзирателя улусов, а в 1761 г., как уже говорилось, — войскового судьи. В представлении Калмыцкого суда о достоинствах Ивана большого Дербетева говорилось следующее: «В должности звания своего прилежен. <...> Подданных своих содержит порядочно и к сему тщание имеет. Лениности ради, больным не притворяется и

во всем себя ведет так, как исправному старшине надлежит. И как по чину своему опрятен, так и никаких не порядков от него не происходит и к повышению достоин...» [15, л. 279 об.].

Документы, свидетельствующие о дальнейшей судьбе Ивана большого Дербетева, не обнаружены. В делопроизводственной документации Ставропольского калмыцкого суда и оренбургской губернской администрации 1760-х гг. он не упоминается. На этом основании можно сделать вывод, что вскоре после производства в войсковые судьи Иван большой Дербетев умер.

Ротация кадров, начавшаяся в Калмыцком суде в 1760-е гг., вызванная уходом из жизни калмыцких чиновников, выдвинувшихся на командные должности еще в 1740-е гг., позволила Ивану младшему Дербетеву после смерти в 1763 г. полковника Андрея Хошоутова занять высшую войсковую должность. Иван Дербетев, прослуживший более двадцати лет, имел достаточный военный и управленческий опыт. За первые пятнадцать лет службы (1745—1760 гг.) он шесть раз командировался на пограничную линию [15, л. 281]. В 1765 г. полковник И. Дербетев добился отмены решения о переселении в Оренбург и причислении к Оренбургскому казачьему корпусу двухсот ставропольских крещеных калмыков [15, л. 247—248, 250]. Умер полковник И. Дербетев 18 декабря 1767 г. в Москве, где в качестве депутата от крещеных калмыков участвовал в работе Уложенной комиссии. Место и точную дату смерти И. Дербетева удалось установить на основании справки, представленной Ставропольской канцелярией о назначении пенсии его вдове Анне Дербетевой [4, с. 257—258].

Заключение

Обращение к биографии первых двух поколений крещеных представителей династии Дербетевых позволяет установить существенные изменения в правовом статусе родовитых калмыков, переселившихся на Среднюю Волгу. Степень знатности крещеных нойонов определялась российским правительством исходя из положения их семей в феодальной иерархии Калмыцкого ханства. Дербетевым в ней отводилась вторая ступень после ханской фамилии Дондуковых. С другой стороны, властные амбиции дербетских нойонов ограничивались малочисленностью их рода и владений.

Принадлежность к высшей калмыцкой знати позволила Никите Дербетеву занять высшую, утвержденную для его персоны и после его смерти упраздненную, должность «первенствующего в Калмыцком суде». Второе поколение династии Дербетевых, представленное сыновьями Н. Дербетева Иваном старшим и Иваном младшим, уже не выделялось из общей массы крещеных владельцев и зайсангов. Принадлежность к феодальной элите обеспечила братьям лишь поступление на низшую командную должность ротмистра. Дальнейшее их продвижение по карьерной лестнице определялось наличием освобождавшихся должностей, личных способностей и заслуг, проявлявшихся в первую очередь в несении пограничной службы и участии в военных походах.

Список использованных источников и литературы

1. Артамонова Л. М. Школа для крещеных ставропольских калмыков в контексте этноконфессиональной и образовательной политики XVIII века // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 575—581.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 1. 1725—1736. Д. 14.
3. Беликов Т. И. Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1978. 103 с.
4. Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы : в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. / отв.

ред. А. С. Ряжев ; сост.: С. В. Джунджузов, А. В. Тепикин, Л. Б. Четырова. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.

5. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 424 с.

6. Джунджузов С. В. Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724—1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 525—543. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543.

7. Доржиева Е. В. Адаптационно-деятельностные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII—XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2007. № 1. С. 104—116.

8. Максимов А. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста : НПП «Джангар», 2012. 519 с.

9. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

10. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.

11. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6.

12. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 26.

13. Орлова К. В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М. : Восточная литература, 2006. 207 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XII. 1744—1748. СПб., 1830. 960 с.

15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13. Связка 102. Оп. 1. Д. 11.

16. Ряжев А. С. Искупленный дважды: толмач Ставропольского войска Афанасий Шорин (опыт реконструкции нетипичной биографии крещеного калмыка второй трети XVIII в.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 4. С. 876—889. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889.

17. Ряжев А. С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска от Семилетней войны до 1812 года // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5, № 2. С. 27—32.

18. Ряжев А. С. Ставропольское калмыцкое войско (1737—1843 гг.): опыт изучения новых источников // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Т. 5, № 3. С. 13—18.

19. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 803. Оп. 2. Д. 303.

20. Цюрюмов А. В., Курапов А. А. Христианизация калмыков в российско-калмыцком взаимодействии в конце XVII — середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4 (48). С. 38—45.

Поступила в редакцию 04.01.2022

Джунджузов Степан Викторович, доктор исторических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

UDC 94(47)“174/176”

S. V. Dzhundzhuzov

Formation of the service dynasty of the Volga baptized Kalmyks Derbetevs (40s — 60s of the XVIII century)

In the context of the personification of the study of the history of the Volga baptized Kalmyks, the circumstances of the conversion to Christianity of the scion of the proprietorial family Nikita Derbetev and his sons are characterized. Using the example of the service career of the Derbetev brothers, the conditions and order of service of the command staff of the Stavropol Kalmyk army (corps) are traced. The degree of nobility of the baptized Noyons was determined by the Russian government based on the position of their families in the feudal hierarchy of the Kalmyk Khanate. Derbetev was assigned the second step after the khan's surname in it, which allowed N. Derbetev to take the position of “the first in the Kalmyk court”. His sons no longer stood out from the general mass of the baptized Kalmyk nobility. Their career advancement was determined by the presence of vacant positions, personal abilities and merits.

Key words: the Derbetevs, Kalmyks, Board of Foreign Affairs, baptism, service, Orenburg governor, Stavropol Kalmyk army.

Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: djund@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8937-5690

References

1. Artamonova L. M. Shkola dlya kreshchenykh stavropol'skikh kalmykov v kontekste etnokonfessional'noi i obrazovatel'noi politiki XVIII veka [The school for baptized Stavropol Kalmycks in the context of ethnoconfessional and educational policy in the 18th century]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*, 2017, no. 5, pp. 575—581. (In Russian)
2. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii* [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. 119. Op. 1. 1725—1736. D. 14.
3. Belikov T. I. F. I. *Derbetev — spodvizhnik E. I. Pugacheva* [F. I. Derbetev — associate of E. I. Pugachev]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo Publ., 1978. 103 p. (In Russian)
4. Dzhundzhuzov S. V., Tepikin A. V., Chetyrova L. B. (comp.) *Volzhskie stavropol'skie kalmyki: seredina 30-kh gg. XVIII v. — pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy: v 4 t. T. 1. Stavropol'skoe kalmytskoe voisko v seredine 30-kh — 60-e gg. XVIII v.* [Volga Stavropol Kalmyks: mid 30s of the 18th century — first half of the 19th century. Documents and materials. In 4 vols. Vol. 1. The Stavropol Kalmyk army in the mid-30s — 60s 18th century]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2011. 320 p. (In Russian)
5. Dzhundzhuzov S. V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII — pervaya chetvert' XX veka)* [Kalmyks in the Middle Volga region and the Southern Urals: Imperial Mechanisms of Acculturation and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid-1830s — first quarter of the 20th century)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2014. 424 p. (In Russian)
6. Dzhundzhuzov S. V. Peripetii sud'by kalmytskogo vladel'tsa Petra Taishina: ot prinyatiya khristianstva do sozdaniya poseleniya kreshchenykh kalmykov v Srednem Povolzh'e (1724—1737 gg.) [The Vicissitudes of the Fate of the Kalmyk Nobleman Pyotr Taishin: from the Adoption of Christianity to the Establishment of a Settlement of Baptized Kalmyks in the Middle Volga Region (1724—1737)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 525—543. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-525-543. (In Russian)
7. Dorzhieva E. V. Adaptatsionno-deyatelnostnye modeli kul'tury traditsionnoi kalmytskoi elity v Rossiiskoi imperii v XVIII—XX vv. [The adaptable and active models of culture by traditional Kalmyk elite in Russian Empire from the 18th till the beginning of the 20th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2007, no. 1, pp. 104—116. (In Russian)

8. Maksimov A. N., Ochirov U. B. *Kalmyki v napoleonovskikh voynakh* [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista, NPP "Dzhangar" Publ., 2012. 519 p. (In Russian)
9. *Ob "edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region] (OGAOU). F. 3. Op. 1. D. 1.
10. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 2.
11. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 6.
12. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 26.
13. Orlova K. V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v.* [The history of the Christianization of the Kalmyks: the middle of the 17th — the beginning of the 20th century]. M. : Vostochnaya literatura, 2006. 207 s. (In Russian)
14. Orlova K. V. *Istoriya khristianizatsii kalmykov: seredina XVII — nachalo XX v.* [The history of the Christianization of the Kalmyks: the middle of the 17th — the beginning of the 20th century]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 207 p. (In Russian)
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 13. Svyazka 102. Op. 1. D. 11.
16. Ryazhev A. S. Iskuplennyi dvazhdy: tolmach Stavropol'skogo voiska Afanasii Shorin (opyt rekonstruktsii netipichnoi biografii kreshchenogo kalmyka vtoroi treti XVIII v.) [He Who Was Redeemed Twice: Afanasy Shorin, a Stavropol Host Interpreter. Reconstructing a Non-Typical Biography of the Kalmyk Christian, Second Third of the 18th century]. *Oriental Studies*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 876—889. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-876-889. (In Russian)
17. Ryazhev A. S. Komandnyi sostav Stavropol'skogo kalmytskogo voiska ot Semiletnei voiny do 1812 goda [Command Staff of Stavropol Kalmyk Troop in Military and Religious Policies of the State: from the Seven Years War to the Epoch of 1812]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN — Oriental Studies*, 2012, vol. 5, no. 2, pp. 27—32. (In Russian)
18. Ryazhev A. S. Stavropol'skoe kalmytskoe voisko (1737—1843 gg.): opyt izucheniya novykh istochnikov [The Stavropol Kalmyk Troops (from 1737 to 1843): the Experience of New Sources Studies]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN — Oriental Studies*, 2012, vol. 5, no. 3, pp. 13—18. (In Russian)
19. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of the Samara Region]. F. 803. Op. 2. D. 303.
20. Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A. Khristianizatsiya kalmykov v rossiisko-kalmytskom vzaimodeistvii v kontse XVII — seredine XVIII v. [Christianization of the Kalmyks in Russian-Kalmyk interactional at the end of XVII — mid of XVIII century]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2020, no. 4 (48), pp. 38—45. (In Russian)